

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ
ИНСТИТУТ КУРДИСТАНА И ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ**

З. А. Юсупова

**ЮЖНОКУРДСКИЕ
ФОЛЬКЛОРНЫЕ ТЕКСТЫ
(транскрипции, перевод, примечания)**

**Санкт-Петербург
«Наука»
2004**

УДК 82:398

ББК 82.3(3)

Рецензенты

доктор филологических наук, проф. *К. К. Курдоев*

доктор филологических наук *И. А. Смирнова*

З. А. Юсупова

Южнокурдские фольклорные тексты (транскрипции, перевод, примечания). — СПб.: «Наука», 2004 — 274 с.

А 51 Предлагаемая работа представляет собой публикацию филологически обработанных фольклорных текстов, отражающих язык различных районов Южного (Иракского) Курдистана. Тексты даны в принятой в отечественном курдоведении латинской транскрипции с русским переводом. В работе отмечены особенности языка фольклорных текстов по сравнению с письменным (литературным) вариантом того же ареала.

Построенная на большом фактическом материале, включающем разные жанры курдского устного народного творчества, работа содержит ценные сведения не только по языку, но и по еще недостаточно изученному фольклору и этнографии курдов. В книгу включены впервые публикуемые в переводе на русский язык образцы многожанрового курдского фольклора из различных сборников, изданных в Ираке, а также ранее не публиковавшиеся материалы.

Она может быть использована в востоковедных вузах, а также специалистами, занимающимися проблемами курдоведения.

ISBN 5-02-027014-8

© З. А. Юсупова, 2004

© Издательство «Наука», 2004

ПРЕДИСЛОВИЕ

Курдское народное творчество, богатство жанров и высокие художественные достоинства которого отмечали многие исследователи (Н. Я. Марр, И. А. Орбели, К. К. Курдоев, М. Б. Руденко и др.), еще недостаточно изучен. Между тем курдский фольклор, по выражению В. Никитина, являет собой «неистощимый источник сведений о жизни курдов», всестороннее исследование которого остается одной из актуальных задач современного курдоведения.

Первые публикации образцов устного народного творчества курдов относятся к середине XIX в., когда европейские ученые приступили к изучению курдского языка. К настоящему времени курдоведение располагает десятками сборников, содержащих как повествовательные (сказки, мифы, предания, анекдоты, пословицы и поговорки, народные поверья), так и песенные жанры (лирические, эпические, обрядовые, плясовые, шуточные и др.).

Предлагаемая читателю книга представляет собой систематизированные и филологически обработанные фольклорные тексты, отражающие язык различных районов Южного (Иракского) Курдистана. Основная часть включенного в работу текстового материала отобрана из опубликованных в Ираке сборников устного народного творчества, среди которых выделяются:

1. «*Riştêy mirwari*» («Жемчужное ожерелье») — многотомный труд А. Суджади, содержащий сказки, разного рода истории, забавные рассказы, народные поверья [Sicadî 1957—1958].

2. «Pendî rêşînan» («Назидания предков») — пословицы и поговорки, собранные М. Халом [Xal 1957].

3. «Folklorî honrawekanî kurdî» («Курдский песенный фольклор»), включающий песни разных видов, а также загадки и пословицы. Составитель — М. Шариф [Şerîf 1974].

4. «Kakoîzêrîn u Danmirwarî» («Златочубый и Жемчужнозубая») — три сказки, опубликованные Н. Амином [Emîn 1965].

5. «Şewçere» («Ночное угощение») — забавные истории, собранные Т. Хвези [Xwêzî 1970].

6. «Melay meşhûr» («Известный Мулла») — анекдоты о Мулле-Насреддине. Составитель Г. Мукриани [Mukrîanî 1971].

Помимо указанных источников некоторые материалы были извлечены из курдской периодической печати — отдельных номеров газеты «Жин» («Jîn»). В сборник вошли также тексты сказок о животных, любезно переданные нам для публикации Курдистан Мукриани [Mukrîanî K.], занимающейся сбором курдского фольклора.

Настоящие тексты, впервые публикуемые в латинской транскрипции и с русским переводом, представляют большой интерес как в плане лингвистическом, так и фольклорно-этнографическом. Отражая не только диалектные, но и говорные различия, тексты дают новый материал для дальнейшего изучения взаимоотношений курдских диалектов, данные о которых необходимы для воссоздания истории языка, не сохранившего древних памятников письменности.

В отличие от литературного сорани¹ фольклорные тексты сохраняют ряд грамматических форм, отражающих говорные различия внутри южного наречия курдского языка.

В текстах, в частности, обнаруживаются формы косвенного падежа: =î(=y)² — для имен мужского рода ед. ч., =ê(=yê) —

¹ Поскольку в основу современного литературного языка Иракского Курдистана положен сулейманийский говор, то в литературе его часто называют «сулеймани».

² В скобках даны поствокальные варианты.

для имен жен. рода ед. ч. и =î(=y) — для имен как женского, так и мужского рода, оформленных показателями определенности =eke (=yeke//weke//ke), =e(=ye) или неопределенности — =êk//ê (=yêk//yek) и реже =ek.

Примеры: ke bawkim hesta nwêj-î bikat, pê m gut... (Xwêzî, 25)¹ ‘когда мой отец поднялся, чтобы совершить намаз, я сказал ему...’: hewesyane deçite tirê-y (Xwêzî, 37) ‘им захотелось винограда’; aw-ê lo kepr-ê dênê (Şerîf, 90) ‘она несет к шатру воду’; çojêk-î mela le gwêyê fûbarêk-î danîştibû (Mukrîanî, 9) ‘однажды сидел мулла на берегу реки’; le wê be suwâlker-ekey deîê (Mukrîanî, 42) ‘там он говорит нищему’.

Тот факт, что имена женского рода при показателях определенности и неопределенности образуют косвенный падеж аналогично именам мужского рода, говорит о сильном ослаблении формы косвенного падежа женского рода. Об этом же свидетельствуют отмеченные случаи употребления показателя косвенного падежа мужского рода вместо показателя того же падежа женского рода и при отсутствии суффиксов (определенности, неопределенности). Ср.: herwa deîwa, lo ser bîr-ê (Şerîf, 54) ‘вот идет она к оврагу’; ew kanîyekey le dew bîr-î (Şerîf, 62) ‘тот родник, что [находится] у оврага’; и guîm deçand le dewî bîr (Şerîf, 73) ‘я собирала цветы у оврага’ — где показатель косвенного падежа вовсе отсутствует.

Соответственно значительно сужен и круг синтаксических функций имени в форме косвенного падежа женского рода. Если имя в форме косвенного падежа мужского рода в предложении выступает в функциях: прямого или косвенного дополнения, определения и обстоятельственного слова, то имя в форме косвенного падежа женского рода преимущественно употребляется в функции обстоятельства (главным образом с локативным значением)²: deçim bo ser kanî-ê (Şerîf,

¹ В скобках указан источник и страница, откуда взят пример.

² Заметим, что в литературном языке, где именная флексия полностью утрачена, целый ряд наречных слов (также с локативным значе-

120) ‘иду я к источнику’; *dwênê şew-ê le xewnimda tom dît* (Mukrîanî, 15) ‘вчера ночью я видел тебя во сне’.

Зафиксированы случаи употребления имени в форме косвенного падежа женского рода и в функции определения (в изафетной конструкции): *darî lank-ê darhenare* (Şerîf, 101) ‘дерево колыбельки гранатовое дерево’; *de binu kûgrew day-ê* (Şerîf, 103) ‘усни же мамин младенец’.

Звательный падеж в текстах представлен формами: *=ê* (*=yê*) — для имен женского рода ед. ч., *=e(=ye)* и редко *=o(=yo)* — для имен мужского рода ед. ч., *=îne(=upe)* — для имен мн. ч. безотносительно к роду: *erê kîj-ê bo hende swanî* (Şerîf, 150) ‘девушка, почему ты так хороша’; *da-ye memke lome* (Şerîf, 114) ‘матушка, не упрекай меня’; *şwan-e, şwan-e* (Şerîf, 107) ‘[эй] пастух, пастух’; *kuñ-o, dîn-o dê were* (Şerîf, 112) ‘парень, безумец, ну иди же’; *bira-upe* (Sicadî, 82) ‘братья!’.

В литературном сорани имена как мужского, так и женского рода в звательной форме имеют показателем *=e(=ye)*, и здесь, как и в формах косвенного падежа, более сильной оказывается форма мужского рода.

В изафетных формах наряду с общим с сорани изафетом *=î(=y)* отмечен также изафет *=ê*, характерный для имен женского рода¹: *ba-yê şemar* (Şerîf, 29) ‘северный ветер’; *berdê bîrê çend le lêje* (Şerîf, 7) ‘какой крутой камень [у] колодца’.

Тексты содержат случаи флективного оформления указательных местоимений. Например: *qazî wî hemûyan her ueklaqin* (Xwêzî, 32) ‘его утки все одноногие’; *qisekey ewê sarê bigêtimewe?* (Xwêzî, 39) ‘мне рассказать ту (букв. ‘того раза’) историю?’; *bêriyê gundê me sêne* (Şerîf, 240) ‘в нашей деревне три доярки’.

нием) имеет в своем составе лексикализованный формант косвенного падежа женского рода.

¹ В текстах Д. Н. Маккензи зафиксированы редкие случаи употребления изафета женского рода с именами мужского рода. См. Mackenzie D. N. *Kurdish Dialect Studies*. Vol. 1. L. 1961.

Отклонения наблюдаются и в употреблении местоименной энклитики *=ê(=ye)*¹. Если в литературном варианте данная энклитика имеет лишь ориентирующую функцию (присоединяясь к предлогам и отдельным глаголам, она указывает на то, что косвенное дополнение в предложении выражено личным энклитическим местоимением или глагольным окончанием)², то в фольклорных текстах она употребляется и самостоятельно (т. е. в собственно местоименном значении) — в функции косвенного дополнения, соотносясь с местоимением 3 л. ед. ч.: *gutm-ê bîne maçit kem* (Şerîf, 81) ‘сказал я ей, давай поцелую тебя’.

В текстах отмечены предлоги *we(=be)*, *lo(=bo)*, *de*, *îe* и послелог *=te*, отсутствующие в литературном сорани.

Глагольные формы имеют следующие особенности:

1. Причастие прошедшего времени помимо суффикса *=û(=w)*, характерного для литературного варианта, сохранило суффикс *=î(=y)* — общий с курманджи: *eminî kuşt-î-ye* ‘она убила меня’ (Şerîf, 53), а также суффикс *=ig*, общий с сеннеи: *axir min bawkim nwêjî kird-ig-e* (З, П) ‘разве отец мой совершал намаз’.

2. Глагол в форме 3 л. ед. ч. настоящего времени наряду с окончанием *=ê(t)* имеет окончания *=î(t)* и *=î(t)*: *kabra peşîman deb-it-ewe u degefêtewe malî birayekey* (Xwêzî, 62) ‘мужчина раскаивается и возвращается в дом своего брата’; *ew xêra deç-ît-e derê* (Xwêzî, 63) ‘он быстро выходит наружу’.

3. Пассив имеет показателем *-r-* или группу *-dr-* (в литературном *-r-*): *boy ezan-dr-ê* (Xwêzî, 73) ‘ему известно’; *le raşda bûkekan le maîe cûtyarewe eb-r-êne maîe padişaxa* (Sicadî, 12) ‘затем невест из дома крестьянина перевозят в дом падишаха’.

¹ Форма *=ye* отмечена с глаголом *dan* (*daye* ‘я дал ему’). Ср. аналогичное чередование *=ê* с йотированным *=e* в формах косвенного и звательного падежей имен женского рода.

² Подробнее об этом см.: [Юсупова 1971].

4. Видо-временной префикс e= чередуется с формой de= (в литературном e=): şapazî be swanîy hoewe de-kird (Mukrîanî K., 81) 'она гордилась своей красотой'; ke eme e-lê... (4, 37) 'когда он произносит это...'

Примечателен отмеченный в текстах пример, в котором каузатив образован от переходного глагола: herçend kirdim u kir-and-im hîçî tirî nexward (6, 76) 'как я ни старался и [ни] заставлял, ничего больше он не съел'.

В фонетике привлекают внимание случаи замены:

а) веляризованного ĩ на палатализованный r (maĭ — mar, le geĭ — le ger, guĭ — gur);

б) айна на верхнефарингальный ħ ('eba — ħeba, 'asman — ħesman);

в) смычного аффриката ç на щелевой s (deçite — desite);

г) увулярного q на заднеязычный k (liq — lik).

Кроме того, отмечены отсутствующие в литературном сорани межзубные согласные ç и ʈ.

Таковы в общих чертах выявленные грамматические особенности фольклорных текстов, позволяющие сделать следующие выводы:

1. Фольклорные тексты, в отличие от литературного сорани, сохраняют категорию рода, выраженную в формах косвенного и звательного падежей и отчасти в изафетных формах.

2. По ряду грамматических признаков фольклорные тексты смыкаются с курманджи (сохраняя, например, такие формы, как причастие на =î, неопределенный артикль =ek, а также выражающие категорию рода падежные и изафетные формы).

3. Тексты свидетельствуют не только о взаимосвязях курдских диалектов, но и об общих тенденциях развития курдского языка (утрата именной флексии и нейтрализация падежных и родовых различий).

Помимо чисто языкового материала фольклорные тексты содержат интересную информацию о культуре, нравах и обы-

чаях курдов, их религиозных воззрениях. Они знакомят нас с животным и растительным миром Курдистана, его топонимикой. Из текстов мы, в частности, узнаем, что курды издавна разводили крупный и мелкий рогатый скот, занимаясь одновременно земледелием (выращивали пшеницу, ячмень, рис, горох, просо, чечевицу, бахчевые культуры) и садоводством. Ценными в этом отношении представляются данные, приводимые в текстах А. Суджади [Sicadî 1958—1959], где подробно перечисляются районы разведения различных видов домашних животных. Так, в Малване (Malwan)¹ разводили коров (manga), в Ладжане (Lacan) — овец (meṛ), в Аврамане (Hewraman) — ослов (ker), причем ослов-самцов (nêreker) разводили в Джаваро (Cawewo), а самок (maker) — в Абладже (Ablas). Далее, пишет автор, племя джаф (caf) занималось разведением лошадей (esp), мукринцы (mukrî) — буйволов (gamêş). В Маргавуре (Mergewir) разводили ягнят (berx), в Керманшахе (Kirmansah) — петухов (keleşêr), в Квестане (Kwêstan) — лис (fêwî), в Хавшаре (Hewşar) — собак (seg) и т. д.

В этой же работе мы находим сведения относительно того, какими культурами или каким видом хозяйства славился тот или иной район Курдистана: в Шаразу (Şarezû) выращивали хлопок (loke), в Шавире (Şawir) — табак (tûtin), в Майдаште (Mayedeşt) — пшеницу (genim), в Гармиане (Germyan) — ячмень (co), в Дака и Акре (Deke, Akrê) — рис (birinc), в Нискаве (Niskawê) — чечевицу (nîsk), в Мариване (Merîwan) — просо (herzin). Гален (Gelên) славился своими тутовниками (tû), Хашамер (Heşemêr) — орешниками (gwêz), Режав (Rêjaw) — инжиром (hencîr), Саранве (Serenwê) — виноградниками (tirê), Калачулан (Qelaçulan) — арбузами (şûfî), Мукрийан (Mukrîyan) — дынями (kelek), Назанин (Nazanîn) — гранатами (henar), Сардашт (Serdaşt) — яблоками (sêw), Долав (Doĭaw) — вишнями (gêlas), Маңдали (Mendeĭî) — финиками (xurma), Ба-

¹ Географические названия, как и названия племен, приводятся в их курдском произношении.

не (Bane) — манной (gezo)¹, Шаматринка (Şametrinke) — медом (hengwîn) и т. д.

Из того же источника мы узнаем о некоторых видах ремесел, имевших распространение в Курдистане. Так, Бане (Bane) славился изготовлением мечей (xencer), Сакыз (Seqiz) — курительных трубок (sebîl), Халадан (Heleden) — ложек (kewçik), Биджар (Bîcar) — молитвенных ковриков (befe), Авраман (Hewraman) — *кылашей* (kileş), Сенне (Sine) — *горави* (gorewî), Сулеймани (Silêmanî) — головных уборов (kilaw). Мангуры (mengû) занимались изготовлением поясов (piştên), а шекаки (şikak) — тюрбанов (ser-u-rêç) и т. д.

Интересный материал дает извлеченная из текстов местная календарная терминология, появление которой, судя по названиям, связано с особенностями природных условий различных районов Курдистана. Так, например, первый месяц весны (и года), известный как «навроз» (newroz/newroj/nwêroz/nwêroj), в одних районах называется *darpişkwan/ darpişkêw* «распускание деревьев», в других — *hermêpişkwan/hermêpişkêw* — «распускание грушевых деревьев», в третьих — *xakelêwe* (букв. 'земля на губах')² и т. д.

Тексты содержат любопытные данные о верованиях курдов, связанных, в частности, с языческими культурами. См., напр., тексты 17(I), 36(II)³, где курды представляются идолопоклонниками, или текст 52(II), в котором, хоть и в юмористической форме, говорится о жертвоприношениях дьяволу, совершаемых с целью задобрить его.

Многие исследователи отмечали, что, несмотря на приобщение курдов к исламу, их нельзя назвать яркими мусульманами. Лучшее доказательство тому — курдский фольклор. Очень показателен в этом отношении текст 37(II), где некий

¹ Выделяется на листьях дуба и желудях.

² Это название, по-видимому, связано с тем, что в этот период пастбища еще покрыты талым снегом, и скот щиплет траву, смешанную с землей.

³ Цифра в скобках указывает на раздел настоящей работы.

курд, которого заставляют совершать *намаз*, с возмущением восклицает: «Разве мой отец или мой дед совершали *намаз*?.. Причем я и причем *намаз*!» В других текстах говорится о том, как за отказ ходить на молитву курдское население облагается разного рода поборами (см.: текст 40(II)).

С религиозными воззрениями курдов отчасти связаны и народные поверья, с некоторыми из которых читатель может ознакомиться в соответствующем разделе.

В текстах находят отражение и любимые развлечения курдов: охота, верховая езда, буйволиные и петушиные бои, различного рода игры, а также песни и пляски, занимавшие особое место в жизни курдов.

В сборник включены разные жанры народного творчества: сказки, анекдоты, афоризмы, пословицы и поговорки, загадки, народные поверья и, наконец, образцы песенного фольклора.

Курдские сказки, помимо шаблонного зачина, «было или не было», нередко начинаются словами: «В сказке [повествуемой у] курдского очага говорится...» В большей части своей сказки очень реалистичны. Они близки к повседневной жизни даже там, где персонажами выступают дивы, драконы, змеи и другие сказочные персонажи. Как и следовало ожидать, в сказках вознаграждаются добро и великодушие, ум и сообразительность, а порою даже хитрость. Сообразительность и ум нередко побеждают силу (см.: Сказки 2, 12, 37), где во всех сложных и, казалось бы, безвыходных ситуациях героев спасает их ум и находчивость. Соответственно наказываются такие пороки, как зло и обман, коварство и жестокость, жадность и особенно глупость. Порицается чванство, хвастовство и лицемерие.

Отражая различные жизненные ситуации, сказки иной раз дают им несколько противоречивую оценку. Казалось бы, в сказке 7 хитрость женщины побеждает воров. Однако в конце сказки она расплачивается за свою лживость, а воры — вознаграждены, т. к. они оказались ловкими и находчивыми. В то же время в другой сказке вор жестоко наказывается за свою глупость.

С признанием силы добра и разума в сказках вместе с тем утверждается всепобеждающая сила провидения, перед которой все бессильно: то, что предначертано судьбой — должно сбыться. «Когда начинает действовать рука провидения, то слепнут глаза, немеет язык и глохнут уши», — так кончается сказка «Советы соловья» (см.: Сказки 9, 10, 16).

Несмотря на то что приведенные здесь сказки составляют лишь незначительную часть богатейшего сказочного фонда курдов, тем не менее и в них мы находим ряд фольклорных мотивов, широко распространенных у большинства других народов. Особенно интересным в этом плане представляется сюжет сказки «Златочубый и Жемчужнозубая», лежащий в основе знаменитой пушкинской «Сказки о царе Салтане»¹. Привлекают внимание и мотивы, связанные с образом змеи (дракона), встречающемся в армянском, мидийском и скифском фольклоре. Надо сказать, что змея в курдском фольклоре нередко олицетворяет доброе начало (см.: Сказки 2, 5, 15).

Любопытны и сказки, героями которых выступают животные. В основном это малая повествовательная форма поучительного или назидательного характера, близкая к притчам (см.: Сказки 19—23).

Особое место в курдском фольклоре занимает жанр анекдота. «Это, — по определению специалистов, — короткая комическая история, искрящаяся блеском народного остроумия, чрезвычайно меткая и выразительная по языку» [Хазнадар 1967. С. 15]². В анекдотах обычно находят отражение реальные события, и герои их чаще всего реальные лица. Поэтому они изобилуют собственными именами, названиями племен, географическими названиями, указывающими на место действия (упоминаются города, деревни, горы, реки и

¹ Вариант сказки имеется и на северном диалекте — курманджи [Руденко 1970. С. 147].

² Часть курдских анекдотов (из сборника А. Суджади) в русском переводе опубликована автором настоящей работы [Юсупова 1996].

даже источники). Среди действующих лиц мы встречаем правителя и везира, феодала и крестьянина, хозяина и слугу, пастуха и подпаска, музыканта и плакальщицу, муллу и *факе*, ткача, купца, банщика, мошенника, вора, бедняка Аха-Кырну¹ и, наконец, всем известного «курдского» Муллу-Насреддина. Героями многих анекдотов являются женщины, в остроумии и сообразительности ничуть не уступающие мужчинам.

Пословицы и поговорки — один из древнейших жанров курдского народного творчества. Недаром в народе их называют «*rendî rêşînan*», что означает «назидание предков». Поэтому в литературе или устной речи пословицы обычно вводятся словами «*rêşînan wutûwe...*» ([как] говорили предки...).

Курдские пословицы часто рифмованы и отличаются большой лаконичностью. Многие из них обнаруживают смысловые аналогии с пословицами других народов мира, сохраняя при этом свою самобытность и специфику (в структуре, в наборе реалий, языковых средствах).

В пословицах находят отражение все стороны жизни народа, его моральные, философские и эстетические нормы. Как и в сказках, в них порицается подлость, бесчестие, жестокость, лживость, жадность, хвастовство и лицемерие. Ср., напр.: «ловит усталую газель» (т. е. бьет лежащего), «напьется крови и не охнет» (о жестоком человеке), «не ходит по большой нужде, дабы не проголодаться» (о жадном человеке), «от этой грязи только пыль и поднимается» (о подлом человеке), «с овцой плачет, а с волком мясо ест» (о двуличном человеке), «ложь до сердца не доходит» и т. д.

В других пословицах утверждается добро и бескорыстие («светильник себе не светит», «добро рождается добром»), великодушие («накорми собаку ради ее хозяина», т. е. прояви

¹ Популярный герой курдских городских анекдотов.

великодушные к дурному человеку ради достойного), ум и находчивость («смекалистость — слаще изюма»), честь и благородство («лучше есть золу от своего очага, чем чужой плов», «[пусть] сломит меня лев, но не съест лиса», «лучше продать что-нибудь, чем просить милостыню»), гостеприимство («гость — праздник для хозяина»), дружба, верность («друг тот, кто заставляет меня плакать, враг тот, кто заставляет меня смеяться»).

Немало пословиц посвящено вопросам воспитания молодого поколения, отношениям между родителями и детьми: «пока теленка превратишь в быка, кровь свою превратишь в воду» (т. е. трудно вырастить ребенка), «привычка, полученная с молоком матери, не утрачивается до старости», «да не умрет приказчик, а умрет слуга» (т. е. смерть младшего лучше смерти главы семейства), «если прут не мокрый, он не гнется» (т. е. воспитывай сизмальства), «взрослый прольет воду, а малый ступит в нее ногой» (поступки детей определяются действиями взрослых) и т. д.

Значительная часть пословиц воспевают труд: «усталые руки — на сытом желудке», «кричит, но не летает» (т. е. много шумит, но мало делает), «лучше головная боль от непосильного труда, чем безделье», «ерзаньем на одном месте Багдада не возьмешь» (т. е. большие дела легко не даются), «грузит орехи, [а] шума не слышно» (о ловком работнике) и т. д.

Не менее самобытны нуждающиеся в специальном исследовании устойчивые сравнения-поговорки (метафоры), а также афоризмы и разного рода изречения, имеющие иную языковую и логическую структуру, нежели пословицы. В них особенно ярко находят отражение своеобразие восприятия окружающего мира, образность мышления и выразительность языка. Напр.: «отправился есть финики» (т. е. умер), «как детеныш утки» (об отбившемся от дома ребенке), «не смазывай мне усы чесноком» (т. е. не обманывай меня), «обмыт в семи водах» (т. е. приукрашен), «рот его полон крови» (о человеке,

пережившем большое горе), «чашу наполнил его кровью» (т. е. оклеветал его), «словно мельница, к которой не поступает вода» (о беспросветной бедности), «мягче земли» (об очень добром человеке). Или еще: «как курица мельника» (о человеке, который кормится за счет других), «так похудел, [что даже] собаки при виде его закрывают глаза» (о тощем человеке), «все ослыта от одной ослицы» (ср.: «одного поля ягода»), «собака хозяина своего не узнает» (о разорившемся доме), «льва за уши дерет» (об очень смелом человеке), «прыгнул в пустую яму» (т. е. умер) и т. д.

Загадки — еще менее исследованная форма курдского народного творчества. В наших материалах, извлеченных из сборника М. Шарифа [Şerîf 1974. С. 11—20], они представлены стихотворными структурами от двух до четырех строк — часто с неожиданной для нас разгадкой. Напр.: «заснет — бык, проснется — гора» (шатер), «нет ни ног, ни пяток у нее, [но] каждый дом знает ее» (ручная мельница), «четыре брата одной реки пускают стрелы в одно озеро» (коровье вымя при доении) и др.

Необычайно интересны народные поверья, впервые опубликованные в книге А. Суджади [Sicadî 1958. С. 5—23]. Опирающиеся на многовековой жизненный опыт и наблюдения, поверья, в сущности, характеризуют и объясняют то или иное явление природы, диктуют правила и норму поведения в той или иной ситуации. Напр.: «говорят, если солнце вечером садится в тучи, значит быть дождю», «говорят, стричь ногти ночью — не к добру», «говорят, есть дыню с медом — очень вредно», «говорят, если у женщины развязался платок, жди гостя» и т. д.

Песенный фольклор курдов в настоящей работе представлен лишь некоторыми (менее известными) его видами — лирическими, шуточными, плясовыми, а также обрядовыми песнями, извлеченными из упомянутого сборника М. Шарифа. Особый интерес представляет цикл песен, исполняемых во

время полевых работ (сбора урожая, косьбы, жатвы, молотыбы и т. д.), дающих ценный этнографический материал.

Большим разнообразием отличаются плясовые песни. Достаточно сказать, что М. Шариф приводит свыше сорока названий курдских танцевальных песен: *tembolê, sêrêyûî, suskeyûî, çoreyûî, şêxanî, auyokî, şemroke, dûrêyûî, mincolî, şingarî, sengîn-sema, semay koçerî, guşênî, bêlanê, bablekan, govend* и др.

Не менее интересны и не вошедшие в наш сборник песни, связанные со свадебными обрядами, похоронные и религиозные песнопения, которые, однако, как, впрочем, и все остальные жанры курдского песенного творчества, нуждаются в глубоком и всестороннем исследовании.

В заключение считаю необходимым выразить свою признательность Н. Г. Сафоновой за помощь при подготовке рукописи к печати.



Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ТЕКСТЫ	17
I. ÇİROK	19
1. KAKOĻZĒRÎN U DANMIRWARÎ.....	19
2. EĦE-COĻA.....	22
3. BÛKE-SÛRÊ.....	28
4. [PADŞA U WEZÎR].....	32
5. [COĻA U EJDEHA].....	37
6. [BÊWEJINÎ FÊLBAZ].....	39
7. ĦEBÊ	42
8. [HEJAR U DEWĻEMEND]	45
9. [BAZGERDANÎ]	48
10. [QEZA U QEDER].....	50
11. [BERXEKE].....	52
12. [ŞĒREGA].....	54
13. [PÎRÊKÎ DANA].....	55
14. [ÇAKE BIKE...].....	56
15. [BESERHATÎ XUŞK U BIRAYEK].....	58
16. [PENDÎ BILBIL].....	60
17. [ZERİNGER U DARTAŞ].....	61
18. [PADŞA U ŞWAN].....	63
19. [BIZIN U MAM-RĒWÎ]	65
20. [KOTIR U MĒRÛ].....	66
21. [GURG U LEGLEG].....	66
22. [XANEDANÎ]	67
23. [HEĻO U TAWUS].....	67
II. QISEY XOŞ U NESTEQ.....	68
III. PENDÎ PÊŞİNAN.....	87
IV. ÇEND WUTARÎ PÊŞİNAN.....	95
V. TAQÎKRAWEKANÎ KURD	97
VI. METEL.....	102
VII. GORANÎ	107
Lankoré lay le layé.....	107
SAWAR KUTAN.....	109
1. Le ger tome	109
2. Ew kaniyekey.....	111
3. Daniştiye	112
4. Awî Xazir.....	113
5. Mang le ‘asman.....	113

6. Wez masî bûm.....	114	[Сказки о животных]	191
7. Çawit wekî.....	115	19. Козел и братец-лис	191
DIRWÊNE	115	20. Горлица и ящерица.....	191
1. Taxmey kîjan ewa hat	115	21. Волк и аист.....	192
2. Yar Xezal	117	22. Знатное происхождение.....	192
3. Deçme malî.....	117	23. Орел и павлин	193
4. Ew şew.....	119	II. ЗАБАВНЫЕ ИСТОРИИ, АНЕКДОТЫ	194
ŞAYÎ U HELPEŔKÊ	119	III. ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ	218
1. Mangeşew xoşe (Sêpêyî)	119	IV. УСТОЙЧИВЫЕ СРАВНЕНИЯ-ПОГОВОРКИ, МЕТАФОРЫ	231
2. Fatimê zalimê (Suskeyî)	120	V. НАРОДНЫЕ ПОВЕРЬЯ	234
ŞENEBA	120	VI. ЗАГАДКИ.....	240
1. Bayê şemar.....	120	VII. ПЕСНИ	245
2. Gwarey kete semayê	121	Колыбельная.....	245
3. Birêne baye semar.....	122	ИЗ ЦИКЛА «МОЛОТЬБА»	247
DEMETEQÊ	122	1. Я тебе [говорю]... ..	247
1. Daîk u kiç.....	122	2. Тот родник	249
2. Were.....	123	3. Сидит.....	250
BESTE U GORANÎ	124	4. Воды Газыра	251
1. Hatye teyrî germênê	124	5. Луна в небе	252
2. Şewzelar.....	125	6. Был я рыбкой.....	252
3. Xozge.....	125	7. Глаза твои	253
ПЕРЕВОД ТЕКСТОВ.....	127	ИЗ ЦИКЛА «ЖАТВА».....	253
I. СКАЗКИ	129	1. Идет стайка девушек.....	253
1. Златочубый и Жемчужнозубая.....	129	2. Любимая Хазал.....	255
2. Аха-ткач	133	3. Иду я.....	255
3. Красавица-невеста	140	4. В эту ночь	257
4. [Падишах и везир]	146	ИЗ ЦИКЛА «ХОРОВОДНЫЕ»	257
5. Ткач и дракон.....	152	1. Луна хороша ([Танец] Сепей).....	257
6. [Хитрая вдова]	155	2. Фатьма-мучительница ([Танец] Сускай).....	258
7. [Хабе].....	160	ИЗ ЦИКЛА «ВЕЯНИЕ ЗЕРНА».....	259
8. [Богач и бедняк].....	164	1. Северный ветер	259
9. [Пускание сокола]	168	2. Сережки ее задрожали	259
10. [Сила провидения].....	171	3. Скажите ветру северному.....	260
11. [Сказка про ягненка]	174	ИЗ ЦИКЛА «ШУТОЧНЫЕ ПЕСНИ»	261
12. [Бой быков]	176	1. Мать и дочь.....	261
13. Мудрый старик	178	2. Иди [же сюда].....	262
14. [Делай добро].....	179	РАЗНЫЕ	262
15. [Сказка о сестре и брате]	181	1. Прилетела птичка южная	262
16. Советы соловья	183	2. Шавзалар.....	263
17. [Золотых дел мастер и плотник]	186	3. Хоть бы!	264
18. Сказка о падишахе и пастухе	188	ГЛОССАРИЙ	266
		Источники и литература.....	270

З. А. Юсупова
ЮЖНОКУРДСКИЕ
ФОЛЬКЛОРНЫЕ ТЕКСТЫ
(транскрипции, перевод, примечания)

Утверждено к печати Ученым советом СПб ФИВ РАН

Набор — *В. А. Меленцевич*
Технический редактор — *Е. М. Денисова*
Корректор — *А. В. Минеева*

Подписано к печати 15.09.04. Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Объем 17 п. л. Тираж 300 экз.

Санкт-Петербургская издательская фирма «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1